Андрей Григорьевич Потапов, геолог с большим стажем, ехал на деловую встречу. Опыт работы у Андрея Григорьевича был большой. Стаж свой он зарабатывал в геологических партиях, названия которых сразу и не запомнишь. Сначала это была Кумусунская партия, базировавшаяся в поселке Экимчан Амурской области, затем Верхне-Валенкуйская и Вершинная в поселке Рощино Приморского края. Ну а потом уже перебрался в европейскую часть страны, где тоже разведывал недра родного государства.

Теперь назначенная встреча была связана с его профессиональной деятельностью. Ему предстояло дать заключение о природных ископаемых карьера. Одни дельцы коммерческой структуры продавали залежи гранита, другие покупали.

Коллеги Андрея Григорьевича по геологическому предприятию «Геоид» предупредили:

— Ты смотри там, не расслабляйся. Сейчас в таких структурах разномастная публика работает. Не угадаешь, сколько в том карьере гранита, тебя там же и закопать могут. Случаи всякие бывают.

Случаи действительно бывают разные. Недавно кто-то из командированных рассказал, как на Урале один геолог дал неправильную оценку месторождению. До сих пор ищут его вместе с полезными ископаемыми.

Андрей Григорьевич и сам расслабляться не собирался. Ему никак не улыбалось быть закопанным ни в полезных, ни тем более в бесполезных ископаемых. Хоть карьер и гранитный, но все же под такими плитами лежать лучше после естественной кончины, чем после преждевременной. А потому ухо держал востро.

Жизнь Андрея Григорьевича всегда была связана с геологией. В годы его молодости престиж такой профессии был сумасшедший. Скажи кому-то из сверстников, что поступил на геологоразведочный факультет, так у того из обоих глаз зависть брызнет. От одного слова «геолог» веяло романтикой на всю страну. Ночные костры, пени под гитару, тайга над головой. В то время далеко не каждый хотел сидеть в адвокатской конторе и делить подушки с перинами. И уж тем более не прельщала перспектива тереться в торгово-финансовом заведении и перебирать костяшки на счетах. То ли дело встречать рассветы на экзотическом ландшафте. Это теперь у нынешней молодежи романтика другого покроя. На мечтателей прошлого века они смотрят как на убогих. Они же не цыгане — песни у костров горланить и не лесоводы, чтобы по тайге шастать. От костров вся физиономия в копоти, а в тайге комары с медведями. Им подавай что-нибудь более созвучное с духом времени: юридическое или экономическое. Но тогда, в 60-х годах ушедшего столетия, попробуй еще поступи на геолога, когда конкурс в вузах десять человек на место.

Андрей Григорьевич поступил. Окончил Криворожский горнорудный институт и по распределению попал как раз к комарам и медведям.

Сейчас, готовясь к деловой встрече с покупателями карьера, Потапов почему-то вспомнил первые свои дни дипломированного геолога. Романтика осталась в институте для других студентов, а ему вместо нее выдали на складе кирзовые сапоги, энцефалитный костюм, накомарник и послали исследовать недра Дальнего Востока. Сверху солнце или дождь, снизу сыпучий грунт или грязь. А вокруг, сколько видит глаз, — сопки, долины рек, распадки. Перед носом комары.

Про багульник он песню слышал. Красиво цветет. Но попробуй пройди через него, когда он тебе до пояса достает и ноги в нем путаются. Или протопай по скользкому галечнику вдоль реки, когда ты весь в геологической амуниции: рюкзак, молоток, полевая сумка. А в голове счет шагов. Без счета в тайге пройденное расстояние не определишь. Шагомеров тогда не было. Вот и получалось, что вместо любования природой и мечтаний о чем-то приятном в голове сплошная арифметика. Его как-то спросили:

— Неужели целый день идешь и считаешь? А если до миллиона досчитал и сбился, что тогда? Все сначала? Или кричать «ау»?

Кричать было бесполезно. Но и до миллиона никто не считал. Через каждые пятьдесят метров берешь образец породы в виде камня, кидаешь его в рюкзак, а потом, если надо, считаешь уже камни. Сбиться можно разве что в пределах десятка.

Но бывали случаи, что люди в тайге блуждали. Потеряет бедолага ориентировку и бродит потом, как дикий кабан, пока его не найдут. Если кто помнит сказку про Машеньку, которая от медведей убегала, так там хоть кабанов не было. А тут и тех и других бойся, потому как ты в тайге для них лакомый кусочек. Так что лучше

не блуждать. Если и не пропадешь, то на весь геологический мир прославишься.

Как-то Потапов выводил людей из полевого лагеря в основной. К этому времени еда заканчивалась, курева не было, рабочие роптали. Начальник партии говорит:

— Давай, Андрей, уводи людей на базу. Делать тут уже нечего. Я через пару дней приду, распределим новые маршруты.

До базы двадцать километров. Когда нужда припрет — не расстояние. Шутка ли дело, месяц в бане не мылись, окурки берегли, как хлеб в блокадном Ленинграде. Крутой склон, который перед лагерем находился, естественно, обходить не стали. Не хватало еще время терять, когда впереди баня и курево. Да еще, может, вертолет водку привезет. Мысли такие душу грели. Только вот не ожидали, что дождик заморосит. А он заморосил. Скользко стало. Ноги на половине склона вниз поползли. Ты их туда, они обратно. Думали наверху отдохнуть, отдышаться, да только мало ли кто чего думает. Когда выбрались на верхнее плато, там еще хуже оказалось. Уже не дождик, а настоящий ливень, ветер, мрак. За десять шагов кромешная темень, как в квадрате Малевича. Компас не разглядишь, ориентиры не просматриваются, азимут не возьмешь. При такой обстановке неизвестно, куда ноги приведут. Мысли в голову Потапову невеселые полезли. Как рабочим объяснишь, что дорога теряется? У них в голове только курево, баня и 100 грамм после бани. Тоскливо Андрею стало. И тут, к счастью, молния сверкнула. На какой-то миг все вокруг озарила. А с Андреем, кроме рабочих, был еще дипломированный геолог Васенович. При вспышке молнии он вдруг прозрел: «Так это мой будущий маршрут. Я его по карте просматривал. Давайте за мной!» Ну и пошли за ним. Надо было до края плато добраться, затем спуститься, а там уже по прямой до базы как-нибудь. Плато метров двести. Только спуска на нем не просматривается. Одни обрывы. Но все-таки спуск нашли, кое-как сползли. Что такое? Перед ними палатка, а в ней начальник партии: «Чего вернулись?» Они и сами не поймут, как получилось. Вместо базы к своему лагерю притопали. Тут в самую пору свалить все на климат Дальнего Востока. В этих краях даже местные шаманы теряются, когда вместо ясного неба им на голову дождь хлынет. Рабочим так и объяснили, что они несколько часов под дождем шлялись из-за природного катаклизма. Близость Тихого океана в одну минуту все наизнанку выворачивает, и пусть особо не расстраиваются, потому как завтра наверняка выглянет солнце, в лучах которого они весело побегут на базу.

Деловая встреча, на которую ехал Андрей Григорьевич, должна была состояться в гостинице, где поселились покупатели карьера. Потапов уже был там на предварительном собеседовании. Гостиница по высшему разряду. Номера фешенебельные, персонал ходит на цыпочках, в сторону жильцов дышать боится. Клиенту в случае паршивого настроения даже пожаловаться не на что. И такие условия еще не предел комфортности. Кто-то из командированных рассказывал, что в одном коммерческом отеле горничные готовы были слюни и сопли ему вытирать, лишь бы угодить. Парикмахер кроме стрижки и бритья не прочь был всех вшей из головы повылавливать. Даже зубы могли там почистить, если бы попросил. Может, этот командированный слегка и привирал, в любом случае сервис сейчас во многих гостиницах не хуже, чем в царевниных палатах Елены Прекрасной. Не то что у геолога двадцатого века. Если вспомнить, кто в полевых условиях Андрею Григорьевичу сопли вытирал, так и память напрягать не надо. Это либо правая рука, либо левая. Какой сподручней. На цыпочках не перед ним ходили, а он сам передвигался, если таежного зверя увидит. Тогда и боялся дышать в ту сторону. Все разряды фешенебельности заключались в целостности спальных мешков. Если дырок не видно, то один разряд, если дырки на виду, то другой. А уж когда кто-то задумает зубы почистить, так в ручье холодом их так сведет — не расцепишь геологическим молотком. О комфорте в те годы мало думали. Уставший, едва волочащий ноги — сунешься в палатку и тут же спишь. А завтра снова на маршрут, потому как руководство страны ждет от тебя результата. Государство нуждалось в полезных ископаемых.

У Андрея Григорьевича как-то спросили:

— А кто самый главный у геологов?

Главных было много. На самом верху, конечно, министерство геологии. Оно подразделялось на территориальные управления, а те, в свою очередь, делились на экспедиции и партии.

Раньше, до института, Андрей думал, что экспедиция на Дальнем Востоке — это группа людей, которая бродит по тайге и ведет разведку недр. Но оказалось, что экспедиция — это целое хозяйство с административным зданием и целым набором начальников. Сюда входят различные службы, которые в тайгу и носа не показывают. Тут и отдел кадров, и бухгалтерия, и плановики. Они сидят в каком-нибудь поселке или городе и оттуда контролируют полевые работы.

В тайгу едут геологические партии. Когда Потапов работал в Иманской экспедиции, у них было порядка десяти партий, в том числе его Верхне-Валенкуйская и Вершинная. Летом все на ногах, зимой на стульях. Летом сбор материала, зимой обработка данных. Как отыскать такое учреждение, если захочется романтики или денег? На Дальнем Востоке проще простого. Спроси у любого бича, которого встретишь, он объяснит. Или сам увидишь скопление бичей — значит, рядом самая что ни на есть романтическая организация.

Про бичей Потапов впервые услышал в Хабаровском крае. Теперь это слово распространилось на всю страну, но тогда в европейской части его мало кто знал. Чем они отличались от близких своих сородичей-бомжей? Бомжа работать не заставишь. Ему лучше в мусорниках копаться. А бичи работают. Другое дело, что потом все пропивают, но во время полевых работ замены им нет. Весной их нанимают, осенью дают расчет.

Расписание полевых работ составлялось так, чтобы не наскочить на главные государственные праздники. День солидарности трудящихся 1 Мая немыслимо было пропустить, потому как дело политическое. Кто-то же должен от имени геологов на демонстрациях кричать «ура!». То же самое касалось очередной годовщины Октябрьской революции 7 Ноября. Граждане страны должны были пройтись с транспарантами мимо украшенных трибун и показать всему миру, что они полностью поддерживают курс партии и правительства. Поэтому работы планировались между 1 мая и 7 ноября. Министерству геологии повезло, что в этот период не было холодов. Тут надо сказать спасибо революционным матросам, которые штурмовали Зимний дворец не летом, а осенью, и заодно выразить благодарность американским демонстрантам, которые взбунтовались в мае, не дожидаясь лета. Такие стечения обстоятельств позволили Совнаркому установить праздничные даты, которые очень устраивали геологов.

От геологии многое зависело в стране. Потенциал государства создавался выкачиванием из недр полезных ископаемых. Но чтобы их выкачать, надо было сперва найти. А кто искал? Геологические партии! А кто в эти партии входил? Тридцать процентов дипломированные специалисты и семьдесят процентов рабочие. Рабочие копали шурфы, траншеи, канавы для анализа коренных пород и взятия проб, на маршрутах сопровождали геолога-специалиста. Ясно, что их вклад был очень велик. А если учесть, что главную рабочую силу на Дальнем Востоке составляли бичи, то получалось, что они ковали потенциал страны. На праздничных транспарантах в те годы принято было прославлять тружеников своего региона. В средней полосе страны писали «Слава шахтерам!», «Слава сталеварам!». А на Дальнем Востоке могли бы написать «Слава бичам!». Но не написали. Руководители края не уточняли, кто им славу зарабатывал.

Как нанимали этих тружеников? К началу сезона многие сами подтягивались к отделу кадров. Многих отлавливали в злачных местах. В поселке Рощино, где работал Андрей, они терлись возле административного здания экспедиции или на стадионе под трибунами. Некоторые из них имели высшее образование. А кто не имел, оканчивали свои университеты под этими самыми трибунами. Из-под гнилых досок часто доносились разговоры о высоких материях и о жизненных укладах общества. Этих философов оттуда выгоняли только перед митингами и демонстрациями, потому что, не ровен час, во время выступления какого-нибудь заслуженного товарища могли последовать комментарии нецензурного характера или, что еще хуже, политическое несогласие с выступающим.

Иногда начальник отдела кадров экспедиции, в обязанности которого входило обеспечение партий сезонными рабочими, проходя мимо магазина, разглядывал валявшуюся рядом публику. Если кто-то лежал в луже, то перетаскивал его на сухое место. Если кто-то был в эту раннюю весеннюю пору расстегнут нараспашку, то застегивал его на все пуговицы.

— Это наши золотые кадры, — говорил он. — Куда нам без них?

Если требовалось срочное пополнение в партию, то подкатывала машина к трибунам, полумертвые тела грузились в кузов, увозились на аэродром, перегружались в самолет и выгружались уже на базе таежной партии. Новоиспеченным геологам, не понимающим, куда попали, тут же накрывали стол, выставлялось спиртное для опохмелки, и после отсыпки им объясняли, что от них требуется. Роптаний обычно не возникало. Для большинства это не в первый раз. Да и все равно через день-два сами полезли бы в отдел кадров наниматься. А так без всяких хлопот.

После окончания всех работ, когда в октябре возвращались в Рощино, всем выплачивали зарплату. Миллионами этот народ, конечно, не ворочал, но солидную сумму в руках держал. А по тем временам за несколько месяцев такие деньги не всем в стране перепадали. Тем более что за эти месяцы они почти не тратились.

Многие, получив расчет, говорили, что уезжают с Дальнего Востока к родным пенатам. Хватит, набичевались! Но доезжали обычно до ближайшего райцентра,

просаживали деньги и возвращались под свою трибуну. Зимой они исчезали. Холод гнал их во Владивосток или Хабаровск в теплые подвалы и чердаки. А весной, едва пригревало солнышко, — уже снова в Рощино. Геологи так и говорили: «Весна. Бичи прилетели. Значит, наступает пора полевых работ».

База партии готовилась заранее. Строители возводили баню, кухню, разбивали палаточный городок и уезжали. А вместо них доставляли тех, кто должен был искать полезные ископаемые. Палаточный городок — это хоть и не пионерский лагерь, но в условиях тайги центр цивилизации. Сюда привозили почту, провиант, иногда водку и, конечно, сплетни. Вновь прибывший контингент получал здесь снаряжение, разбивался на отряды и отправлялся по маршрутам. С этого начиналось изучение природных ресурсов. Пошло, как говорится, поехало. Точнее сказать, пошло. Потому что из транспортных средств, кроме кирзовых сапог, ничего не имелось. Сапогами и мерили километры. Топ, топ, топ, глядишь, к концу сезона готова съемка местности в черновом варианте.

Начальник партии тоже на базе не отсиживался. Обычно он возглавлял один из отрядов. Иной раз, может, и хотелось ему покрутиться возле кухни, но инструкция не позволяла. На базе оставался завхоз с радиостанцией, каюры с животными и повар с харчами. Животные — это либо олени, либо лошади, которые доставляли с базы продовольствие в условленное место для тех, кто на маршруте.

Отряды, уходя на месяц в тайгу, не тащили с собой вьюки с провизией. Иначе одних макарон по нескольку рюкзаков пришлось бы набивать. Поэтому руководство и придумало способ с помощью животных снабжать геологов. Пришел ты в назначенное место, а тебя там ждет тушенка, сгущенка, гороховый концентрат или килька в томате. А кроме того, теплые вещи и палатки.

Стоянку отряда меняли каждые два-три дня. Если бы не животные, то и бегали б на базу за крупой и горохом чуть ли не каждый день по десять километров. А без продуктов никак нельзя. Не кору же с деревьев грызть. Кто-то из знакомых Потапова сказал, что если подсчитать, сколько геологов в те годы по тайге бродило, так и обглодали бы сотни деревьев. А то и тысячи. А это прямой ущерб экологии. Можно было бы даже диссертацию защитить на тему «Какой ущерб понесла бы природа, не придумай правительство эффективный способ снабжения геологов». Этот знакомый немного ошибся в выводах. В тайге есть грибы, ягоды, дичь. Можно обойтись без коры. Но начальство все-таки предусмотрело нюансы. Поэтому и наняло животных с погонщиками.

Когда Андрей работал в Амурской области, там на их базе тягловой силой служили олени. Их арендовали на берегу Охотского моря в каком-то местном колхозе. Погонщиками были Егорыч и Афанасий. По национальности они были орочи. Это крохотная народность, насчитывавшая в СССР около тысячи человек. Оленями они управляли с самого рождения. И в геологических партиях работали не первый год.

Как-то Егорыч вез провиант и вещевое хозяйство для двух отрядов, в том числе и для отряда Потапова. Поскольку база располагалась внизу, а впереди был перевал, то прежде, чем выдвигаться на свой маршрут, Андрей вместе с напарником Геной стали помогать каюру и его оленям выбраться наверх. Иначе провиант не поспеет к вечеру в нужное место. А им потом подножным кормом питаться. Когда вылезли наверх, объяснили погонщику, куда ему нужно двигаться дальше, а сами направились исследовать очередную речку с ее притоками. Через несколько часов Андрей с Геной после завершения маршрута пришли в условленное место, но Егорыча не обнаружили. Он давно уже должен был находиться там, однако его не было. Нужно было искать. И, как назло, захотелось тушенки, сгущенки, кильки в томате и горохового концентрата. Поспешили туда, где оставили каюра, на несколько километров вниз. По дороге услышали звон ботолов. Ботоло — самодельный колокол из консервной банки, который вешают оленям на шею на стоянках. Иначе разбредутся, и не сыщешь. Двинулись на звуки и увидели пасущихся оленей. Егорыча не было. Карабин приставлен к березке, телогрейка распластанная лежит на траве, а погонщика нет. Звали, кричали, свистели — все впустую. Ну не мог же он далеко уйти. Напарник дернул телогрейку с земли, а под ней в маленькой ямке, свернутый калачиком, лежит Егорыч. Андрей к нему:

— Егорыч, что случилось? Ты же должен вещи и продукты везти вверх притока реки.

У каюра слезы на глазах:

— Моя чай не чулюкала. Моя сильно больная, даже чай не чулюкала.

Тут уже не до гороха стало и не до кильки. Разожгли костер, вскипятили воду, напоили больного и быстрым ходом вверх по притоку к месту, где должен был появиться второй отряд. Три километра вверх по тайге в конце дня — это не чай чулюкать. До этого полдня бродили по воде, ноги мокрые, в сапогах до сих пор чавкает. Но не заставлять же второй отряд собирать в потемках грибы или грызть кору с деревьев, нарушая экологию. Надо было пе-

реправлять их сюда. Когда затемно вернулись к стоянке Егорыча, тот уже выздоровел.

Болезнь всегда неприятная штука. Хоть в тайге, хоть не в тайге. Один из теперешних покупателей карьера как-то в разговоре со своим компаньоном сказал:

— Не был бы я здоров, не стал бы депутатом в своем округе. Сколько водки пришлось перепить, пока не утвердили кандидатом. Теперь вот имею связи во всех властных структурах. Думаю двигаться дальше.

Если бы главным критерием вступления в депутатство было здоровье, то нынешний покупатель карьера непременно получил бы свой мандат. По внешнему виду он мог бы потягаться с медведем или кабаном, которых Потапов встречал в тайге. Единственное, что могло помешать, так это отсутствие кворума на выборах.

Когда Андрей Григорьевич вспоминает теперь свою таежную жизнь, ему часто приходит на ум момент выборов в Верховный Совет СССР. Это теперь хочешь иди голосовать, хочешь не иди. А тогда каждый гражданин обязан был исполнить гражданский долг, прийти на участок и бросить свой бюллетень в урну. Не может человек оставаться в стороне в такой ответственный момент жизни страны. А потому вылавливали выборщиков, где только можно, чтобы стопроцентная явка была. Даже в тайге не спрячешься. Прилетал вертолет с урной и бюллетенями, выдавал человеку авторучку, тот ставил птичку, и вертолет с птичкой улетал. Важность события была такова, что вертолет приземлялся даже не на базе, а на стоянку каждого отряда. Если, конечно, позволяла местность. А если не позволяла, то садились как можно ближе. Но тогда геологам приходилось добираться до указанной точки своим ходом. Вот Андрею однажды и сообщили, куда ему следует прибыть со своими тремя рабочими, чтобы участвовать в процессе выборов. В городах и поселках на выборных участках в этот день продавали разный дефицит: копчености, сладости, деликатесы из морепродуктов. А в тайге что купишь?

— Не пойдем мы никуда, — заявили Андрею все трое. — Чего ради нам тащиться за несколько километров? Да еще через три речки скакать. Хочешь, иди сам, за всех и проголосуешь.

— Там каждому проголосовавшему дают по бутылке водки и по бутылке вина.

— Да?

— Да!

Собираться стали в тот же момент.

— Ну не сегодня же, — сказал Андрей. — Завтра утром встанем, позавтракаем и пойдем.

— А если завтра дождь или еще какая-нибудь чехарда? Три речки в дождь не перескочишь.

Такое рвение исполнить гражданский долг остановить удалось с большим трудом. Но зато назавтра едва рассвело, все были уже готовы. Три речки — это не хухры-мухры. Может, и не Енисей с Амуром, но и не ручейки, которые на одной ноге перескочить можно. Переправляться нужно по сваленным деревьям. Шли быстро, переправились тоже быстро. Вертолет ждали недолго. Тот прилетел к обеду, как и было условлено. Член комиссии выдавал бюллетени, подставлял урну, а двое летчиков вручали водку и вино. Следили друг за другом, чтобы без обмана было. Один бюллетень — одна бутылка. Когда процедура была окончена и вертолет улетел к другим отрядам, рабочие отказались идти в лагерь, пока такое важное событие не будет отмечено. Никаких возражений не принимали. Куда было деваться Андрею? Отошел в сторону, лег под дерево. Краем глаза только наблюдал, как откупориваются бутылки и содержимое их переливается в желудки выборщиков. Засыпать стали еще в процессе поглощения свалившегося с неба подарка. Сначала один, потом другой, потом третий. Просыпались тоже по очереди. Последнего, правда, пришлось растолкать, потому как пора опохмеляться, а он дрыхнет. Наконец опохмелились. Стали собираться в лагерь, гордые тем, что долг был исполнен достойно. Осталось только добраться до своих палаток. А вот это оказалось сложнее. Две речки с трудом преодолели, а на третьей один законопослушный гражданин свалился с бревна. Речка не глубокая, около метра, но быстрая. Упал он вверх по течению, и его наполовину затащило под ствол дерева. Голова и руки с одной стороны, ноги с другой. Попытались вытащить — не получается. У самого тоже сил не хватает. Советуют ему поднырнуть, а его с этой стороны поймают. Не соглашается. Вдруг не поймают? Так и понесет его потоком в реку Уссури и дальше к самой китайской границе. А там хунвейбины точно поймают, заставят цитаты Мао Цзэдуна изучать. Ему в своей стране не довелось труды Ленина прорабатывать, потому как в институте он не учился, а в Китае не отвертишься. У нас бывшие студенты говорят, что к творчеству Владимира Ильича подходили формально, конспекты друг у друга передирали. А там попробуй неправильно истолковать наследие председателя Мао. Мигом устроят публичную порку на главной площади Пекина. Уж лучше тут под бревном сидеть, чем мозги пудрить изречениями великого китайского кормчего. Попытались разжать ему руки — не дается. Хорошо хоть успел долг исполнить. А иначе канди-

дат в депутаты не досчитался бы одного голоса. Потом, правда, изловчились и выдернули его из журчащего потока. Сохранили, так сказать, потенциального избирателя и одновременно золотые кадры для министерства геологии.

Для того чтобы познать геологию, надо несколько лет учиться. Труды Ленина изучать, само собой, без них никуда. Но не только их. Надо еще вникнуть в геодинамику, минералогию, геохимию и геофизику. Иначе все горные породы и минералы будут относиться к области неопознанного и неизведанного. Был в одной из партий Приморского края такой рабочий из бичей, Петюня. В минералах, естественно, не разбирался. Он хоть и видел, что они разные, но в отличия не вникал. Бараны в отаре тоже разные, а название у них одно. Так и тут. Камень — он и есть камень. Как-то этот Петюня оказался в одной маршрутной паре с Андреем. Ходили целый день. Андрей через каждые пятьдесят метров брал образцы пород и складывал сначала в свой рюкзак, потом в рюкзак Петюни. Когда в конце дня возвращались в лагерь, на одном из привалов Потапов поднял рюкзак напарника, ему показалось, что тот чересчур легкий. Однако, когда пришли в лагерь, рюкзак по весу соответствовал норме. Андрей вытряхнул содержимое, там все камни были одного образца, набранные возле лагеря. Петюня, как оказалось, по дороге выбрасывал набранные на маршруте минералы, чтоб легче было идти, а перед лагерем отстал от Андрея и насобирал, что попало под руку. Какая разница, кварцит это или песчаник? Все равно в этой тайге никто разработку производить не будет в ближайшие сто лет. А через сто лет человеку это вообще может не понадобиться.

Покупатели карьера тоже в геологии мало что смыслили. Но, в отличие от Петюни, прекрасно понимали, что гранит и мрамор — разные вещи и стоят по-разному. Не зная структуру минералов, они знали цену деньгам. А чтобы не попасть впросак и не прогореть, постоянно консультировались со специалистами различных областей. Юристы, экономисты, геологи были у них завсегдатаями. Когда у Андрея Григорьевича была первая встреча с ними, он услышал обрывки разговора этих дельцов с одним из посетителей, которого они, вероятно, хорошо знали. Этот посетитель спросил, как можно заработать первоначальный капитал. Ему ответили, что начинать надо с малого.

— Мы, прежде чем за карьеры браться, начинали с самых что ни на есть мелочей. Продавали секреты предприятий конкурентам.

Как потом Андрей Григорьевич узнал, суммы от продажи крутились со многими нулями. Кроме того, Потапов понял, что немаловажную роль в их судьбе сыграла встреча со старыми знакомыми. Те знакомые кое-что посоветовали, кое с кем связали, и в результате — переход от чиновничества в купеческое сословие.

У Потапова в жизни тоже было много встреч. Только советов о повышении благосостояния никто не давал. Что такое встреча на маршруте? Бывает, бредет отряд среди зарослей, выходит на поляну, а там другой отряд. Такой же обросший, усталый, голодный. Что они могли друг другу посоветовать? Разве что как кашу сварить из топора. Подобные столкновения случались часто. В 60-х или 70-х годах прошлого столетия, когда на средства связи большой надежды не было, маршруты отрядов прокладывались так, чтобы они, передвигаясь по тайге, могли в какие-то дни пересечься. Иначе как узнаешь, живы они или нет. Но бывало и по-другому. Бредет отряд среди зарослей, выходит на поляну, и тут новая встреча. Медведь в валежнике. Тут уже совета ждать не надо. Ноги в руки — и ходу. Хорошо, если медведь один. А если несколько? Как-то в конце мая наткнулся Потапов на медвежью свадьбу. Они с напарником Буркалиным возвращались в лагерь после окончания маршрута. В лесу тихо. Только неподалеку звуки: «Ух, ух». Подумали, сохатый, выбрались на поляну, а там шесть или семь медведей кругами бегают и ухают. Одиноких медведей они и раньше встречали, но чтобы столько... Упаси бог от таких разнообразий. И тут один из этой медвежьей компании отделился и пошел на геологов. Бежать бесполезно. Зажаты узкой долиной с крутыми склонами. Куда деваться? И бога вспомнишь, и всех святых. Полез было Буркалин на березку, да что толку. Березка тонкоствольная. А ружье одно на двоих. В нем дробь. Если пальнуть в косолапого, то разве что шерсть пощекотать. Разозлишь еще щекоткой не на шутку. Поэтому стрельнули вверх, лишь бы отпугнуть. Только черта с два. Не такие они пугливые, эти хозяева тайги. Стрельнули еще раз, потом перезарядили ружье патроном с пулей. Вряд ли бы это помогло. Надо было попасть точно в сердце или в сонную артерию. Но кто попадет? Андрей ведь не каюр Егорыч, который со ста метров зверю в глаз бил. Это только в сказках пишут, что медведи добрые. А повстречайся с ними в тайге, когда глаза налиты кровью, слюни изо рта. Единственное, что правильно в сказках говорится, так это то, что среди них попадаются ленивые сородичи. Когда топтыгину оставалось до Андрея метров десять, перед ним оказался ствол дерева. Он передними лапами оперся на него и остановился.

Раздумывал, нужны ему эти геологи или лучше вернуться в свою компанию. И пока думал, Потапов с напарником стали задом пятиться к склону. Так и ушли спиной вперед. Хорошо хоть склон был относительно чистый.

Чем могла закончиться такая встреча? Если бы на них пошел не один этот увалень, а все остальные, то висеть бы в штабе экспедиции некрологу в траурной рамке. Благо фотографии имелись хорошие. Не стыдно и в управлении геологии повесить. Но косолапым было не до человеческого общества. Они были заняты медведицей.

У других геологов встречи с хозяевами тайги тоже бывали. Одни встречали медведицу с медвежатами, другой на медведя чуть уздечку не накинул. Был у них в Вершинной партии каюр Шкода Владимир Васильевич. Лошадьми командовал. Так вот этот каюр, находясь на базе, пошел как-то с уздечкой лошадей искать, которые паслись неподалеку. И показалось ему, что конь его любимый в голубику забрался. Сунулся он в голубику, стал там рыскать, а потом, как рассказывал завхоз, летел оттуда со своей уздечкой быстрее, чем конь его любимый в лучшие свои времена. Не было на Шкоде ни лица, ни надежды на спасение. Была только прыть в ногах, как у спринтера, и полное отсутствие желания лезть в тайгу хоть за лошадьми, хоть за миллион. Зато у самого завхоза появился вопрос: что было бы, если б Шкода уздечку все-таки накинул на косолапого? Вряд ли бы хозяину тайги понравилась упряжка. Не потому, что была некрасивая, а потому, что сам Владимир Васильевич не приглянулся. Лошади потом сами пришли. У них встреча с косолапым не состоялась.

Мешали ли звери геологам работать? В больших масштабах, конечно нет. Но по мелочам вредили. Как-то каюр оставил провиант в условленном месте, куда должен был подойти отряд. А когда отряд подошел, то все банки с тушенкой, сгущенкой, консервами оказались продырявлены и выжаты, как лимон. Ясно, что медведь постарался. Но опасность не только от медведей исходила. Значительно больше мешала погода. Тем более что силы природы не прощали небрежности. Однажды на верху сопки застала Андрея с напарником гроза. Несколько раз молния рядом ударила. Побежали вниз, а молния следом. Вроде как вдогонку бьет. Они бегут, а она сзади чуть ли не по пяткам шарахает. Никогда раньше ни от кого такого не слышали. Чудеса, что ли? Только если по черепу шарахнет, чудесным это не покажется. Уже внизу сообразили, что к чему. У напарника на спине радиометр был включен. Вот он своими антеннами, похоже, молнии и притягивал.

Потапов приехал в гостиницу, где его ждали покупатели карьера. Разговор у них был недолгий. Основные вопросы они обсудили еще при первой встрече, и теперь следовало выезжать на местность. Надо было увидеть, что им собираются подсунуть.

Карьер, к которому привезли Андрея Григорьевича, смотрелся очень даже прилично. По крайней мере, из тех, которые Потапов встречал в своей жизни, этот на фоне других выглядел богатым родственником среди убогой родни. Гранитные блоки, которыми характеризуется качество месторождения, могли получиться чуть ли не по восемь кубов. При таких высоких показателях, выставленных на обозрение, ни один эксперт не мог ошибиться. Расстояния между трещинами достигало от четырех-шести метров. Всякое горнопромышленное предприятие ценится содержанием качественного материала, который хорошо востребован в различных сферах. Здесь и думать не надо было долго. Можно покупать смело, не боясь, что тебя закопают, как того геолога с Урала. Восьмикубовые блоки разойдутся за милую душу.

Но тут выяснилось, что продается не этот карьер, а совершенно другой в нескольких километрах от этого. Этот показали, чтобы продемонстрировать, какие возможности скрыты в здешних местах. Поехали к другому. Тот, что им предъявили, по сравнению с прежним не тянул даже на бедного родственника. Разве что на приживалку. Если в первом случае была открытая выработка и все разрезы на виду, то здесь заросшее поле, где только предполагалось наличие гранита. Даже у несведущего человека могли возникнуть сомнения: а вдруг внутри ничего нет? Начнешь разработку, а получишь комбинацию из трех пальцев. Но для Потапова и без сомнений было ясно, что качественного материала здесь не может быть в принципе. Местность болотистая, впадина на впадине, зона разлома. А в таких зонах вместо блоков разве что гранитный щебень разных фракций.

— Что скажете, Андрей Григорьевич? — спросили его.

— Фикция, а не карьер!

— Почему?

— Рельеф не тот. Тектоническая деформация пород. Ничего из него не выжмете. Разве что гранитную крошку.

— Почему вы так считаете?

— Потому что я на этом зубы проел. Слой земной коры сдвинут. Весь гранит в трещинах. Водянистое место. К тому же тут до вас кто-то ковырялся. Значит, земля кому-то принадлежала. Проблемы могут возникнуть. Да и растительности вокруг полно. Приравняют этот кустарник к деревьям — и за каждое срубленное

насаждение платить придется. Но главное, блоков вы здесь никаких не получите.

Продавцы карьера попытались опровергнуть слова Потапова, говоря, что здешние места переполнены гранитом и что за такую дешевую цену, которую они просят, даже место на свалке не купишь. Однако Андрей Григорьевич стоял на своем. Ему не хотелось быть закопанным в здешних болотах, и поэтому он прямо заявил: свое мнение он не меняет. После таких категорических заявлений сделка, естественно, не состоялась.

Когда Потапов вернулся на свое предприятие, то на вопрос коллег, чем закончилась поездка, он сказал:

— Похоже, я не зря пять лет учился в институте. На мякине не проведешь. А дальневосточный опыт помог избежать участи геолога с Урала.

Все удовлетворенно кивали головами. Да, не зря учился! Хорошо, что не разделил участь. А один, который был более осведомлен, сказал:

— А ведь того геолога вроде бы закопали не покупатели, а продавцы. Он им всю малину испортил. Так что ты на всякий случай затаись на время.

В другой раз на такое сообщение можно было плюнуть и не обращать внимания. Но в этот раз, прежде чем плеваться, надо было подумать. У нынешних покупателей карьера, с которыми Потапов только что расстался, на примете еще несколько месторождений. И если на каждом он будет втыкать палки в колеса, то не найдется ли среди продавцов такой, которому не понравится подобная деятельность? И что тогда? Молитвы вспоминать?

До сих пор профессия Андрея Григорьевича не входила в число опасных. Это шахтеров и саперов внесли в рискованный список, потому что одни где-то внутри Земли возле магмы ковыряются, другие в любой момент на небеса улететь могут. А про геологов никто и не подумал. Они на глаза не попадались, в тайге прятались. Однако теперь, когда многое с ног на голову становится, как бы этот список не расширился. Опасностей у геологов, оказывается, не намного меньше, чем комаров на гектаре леса. Ходи и оглядывайся. Вот и получается, что в нынешнее время отмахиваться от совета коллег и уж тем более плеваться очень неразумно. В современном мире, который меняется так же резко, как погода на Дальнем Востоке, всякая рекомендация может быть полезной. Когда не знаешь, чего ждать к ужину, не говоря уже о завтрашнем обеде, мотать на ус нужно все, что услышишь.